Его естественный оттенок прозрачен, как лед, и ярок, как нефрит. Среди уныния и запустения он борется до победного конца, чтобы приветливо обнять осенние западные ветры[1].

Была поздняя осень, когда хоронили Цзя Фу. Она отчётливо помнила великолепие сада, заросшего гибискусами, во дворце Цзинби. Издалека он напоминал скопление розовых облаков, плывущих в воздухе.

Она также совершенно отчетливо помнила тот день.

Прошло несколько дней с тех пор, как она в последний раз видела лицо императора. Те, кто был во дворце, рассказывали о том, как императрица усердно ухаживала за больным императором, вплоть до того, что спала даже в верхней одежде.

Войдя, она увидела опухшие веки императрицы Чжан, её бледное выражение лица. Перед уходом императрица сообщила, что император вызвал Цзя Фу, и попросила её хорошо ему служить. Императрица была любезна, выражение её лица было, как обычно, доброжелательным.

Горький запах специй и лекарств витал среди множества слоёв жёлтых занавесок. Решетчатые окна дворцового зала были плотно закрыты, отчего в глубине зала было сумрачно и мрачно, как будто её окутывала пелена теней.

Цзя Фу уставилась на человека по имени Сяо Инь Тан, стоящего на коленях на кровати дракона. Он стоял там на коленях примерно столько же времени, сколько потребовалось бы, чтобы сжечь половину палочки благовоний[2].

За короткий промежуток в десять лет императорская власть Великой династии Вэй менялась четыре раза, начиная с правления Тяньси, Чэннина, Юнси и заканчивая Чжаопином, покойным императором династии Шицзун [3]. В течение этого периода часто вспыхивали войны: однако покойный император Великой династии Вэй вскоре полностью устранил все внутренние неурядицы в стране. Мощь нации накапливалась день ото дня, и различные источники средств к существованию людей также стабилизировались.

После того, как Сяо Инь Тан принял бразды правления от своего отца, Шицзуна, волнения на северной границе вновь усилились. Новый император был амбициозен. Через год после того, как он взошёл на трон, он проигнорировал настойчивые увещевания своих министров и препятствия, мобилизовал солдат всей страны и лично повел свои войска в бой против турок. Хотя они одержали победу после долгой борьбы, его неосторожность нанесла ему серьезные увечья. После возвращения ко двору его состояние ухудшилось до такой степени, что даже императорские врачи были совершенно беспомощны.

Вслед за этим ужасные новости начали тайно распространяться.

Сяо Инь Тан задремал, когда внезапно его руки вскинулись и в беспорядке взметнулись вверх, как будто он не жалел усилий, чтобы от чего-то защититься. Его глаза всё ещё были закрыты, но брови плотно сдвинуты. Он выглядел измученным, выражение его лица было искажено ужасом. Капли холодного пота непрерывно стекали по его лбу, как будто его мучил какой-то жуткий кошмар.

Цзя Фу поспешно вскочила, подбежала к нему и схватила за холодную и потную руку.

– Ваше Величество, проснитесь…

В следующий момент император оттолкнул её с такой силой, что она упала на пол. Несмотря на боль, она поднялась и снова приблизилась к нему, его неясный и безумный бред достиг её ушей при более близком приближении.

– Юань! Юань! Это и есть то возмездие, которое ты мне даешь? Отпусти меня! Ты должен кого-то винить, вини Отца-императора! Это он во всем виноват…

Из горла Сяо Инь Тана вырвался булькающий звук, как будто пара невидимых рук сжала его шею, затрудняя дыхание.

Сердце Цзя Фу внезапно заколотилось в груди. Сяо Инь Тан продолжал бормотать в своём кошмаре, но его тон изменился.

– Чжэнь[4] – император! Чжэнь – император Великой Вэй! Пэй Ю Ань, Чжэнь не боится тебя! Тебя вообще не должно было существовать в этом мире! Даже если ты превратился в призрака, что ты можешь сделать с Чжэнь?!

Он заскрежетал зубами от лютой ненависти. Его лицо исказилось, его распутная рука схватила одно из запястий Цзя Фу. Когда его зубы застучали, его пальцы немедленно сжались. В одно мгновение последние силы всего его тела, казалось, сосредоточились в этих пяти пальцах.

Цзя Фу почувствовала, что кость в её запястье вот-вот треснет. Превозмогая острую боль, она позвала его ещё раз.

Сяо Инь Тан наконец проснулся. Его глаза резко распахнулись. Холодный пот струился по его лицу, он пристально посмотрел на Цзя Фу, стоявшую рядом с ним.

Лицо Цзя Фу слегка побледнело. Она на мгновение посмотрела на него, улыбка осветила её лицо.

– Ваше величество, это эта наложница[5]…

Сяо Инь Тан отпустил её запястье, отчего её рука безвольно повисла. Цзя Фу вытерла холодный пот с его лба.

Его лицо побледнело. Он на мгновение закрыл глаза, затем спросил сдавленным голосом:

– А-Фу, [6] ты слышал, что только что говорил Чжэнь во сне?

Носовой платок в руке Цзя Фу замер.

Пэй Ю Ань, старший сын в поместье великого князя Вэя[7], родился с хрупким и болезненным телосложением. Однако у него были выдающиеся врожденные способности: необыкновенная цепкая память, которая позволила ему в возрасте четырнадцати лет получить ученую степень Цзиньши[8]. В то время император Тяньси так горячо любил его, что нарушил закон, указав ему поступить в Институт развития литературы в качестве ожидающего чиновника. У него была хорошая репутация – верховного министра в штатском, молодого великого советника[9]. Покойный император Шизун также очень уважал его. Три года назад он погиб в округе Анси, служа там военным комиссаром, всю свою жизнь не состоял в браке, даже не достигнув тридцатилетнего возраста.

Говорили, что накануне вечером в городе Суе его старая болезнь повторилась, из-за чего его вырвало чрезмерным количеством крови. Со свечой в руке он встретился со всеми подчиненными, которые нанесли ему визит. Все мужчины были в слезах, но его лицо оставалось непоколебимым. Он говорил и смеялся непринужденно, рассказывая им о том, как медицина и иглы для акупунктуры сопровождали его с детства. Кто-то однажды заявил, что он не доживет до десяти лет, и все же он дожил до сих пор. Он утверждал, что умолял небеса одолжить ему ещё двадцать лет: таким образом, он мог уйти без сожалений.

Печальная новость о болезни Пея, когда он находился в пустынном и изолированном городе за пределами Великой китайской стены, распространилась по столице. Ходили слухи, что покойный император Шизун был настолько подавлен горем, что в тот же миг потерял сознание.

После его смерти он был похоронен не в родовой усыпальнице семьи Пей, а скорее в поле за пределами города Суе, как он того пожелал. Армия и народ возносили плач к небесам, не желая покидать его примерно полмесяца. Шизун сделал исключение и присвоил ему посмертный титул принца Анси. Посмертное мероприятие состояло в скорбном восхвалении его вечно упокоенной души.

С точки зрения родства, Пэй Ю Ань и Цзя Фу были «родственниками» по материнской линии, но, кроме их случайной встречи много лет назад, никаких других взаимодействий между ними не было.

– Эта наложница этого не слышала.

Она ответила, затем продолжила вытирать его пот.

Сяо Инь Тан медленно выдохнул и на мгновение закрыл глаза. Выражение его лица постепенно успокаивалось, он нежно взял Цзя Фу за руку и провозгласил:

– А-Фу, Чжэнь любит вас так же, как Чжэнь ценит жизнь. Когда Чжэнь впервые увидел вас, вы сразу же оказались на острие сердца этого человека. На протяжении многих лет, хотя вы и не были удостоены титула или должности, Чжэнь считает, что расположение этого человека к вам уже достигло апогея. Теперь Чжэнь должен уйти. Как только все это закончится, будут приняты меры. Семья твоей матери, Чжэнь также позаботилась о них. Единственное, с чем Чжэнь не может расстаться, это с тобой… Когда Чжэнь уйдет, ты согласишься сопровождать Чжэнь?

Он медленно открыл глаза, наклонил голову и пристально посмотрел на неё. Его лицо было пепельно-серым, а темные брови имели зеленоватый оттенок. Унылый вид, вызванный его надвигающейся кончиной, скрыл его изначально красивые черты.

Стоя на коленях, полусидя, Цзя Фу не сводила глаз с императора, пристально смотревшего на неё.

– Что, ты не хочешь сопровождать Чжэнь?

Уголки его рта были двусмысленно приподняты, когда он спрашивал об этом.

– Отвечая Вашему Величеству, эта наложница согласна.

Она отдернула руку, а затем поклонилась в направлении кровати дракона. Она долго стояла на коленях, прижавшись лбом к земле.

– Подойди ближе к Чжэнь.

Он снова протянул к ней руку, заключил её в крепкие объятия из последних сил и испустил долгий вздох. В этом вздохе было бесконечное раскаяние и крайнее нежелание.

– Чжэнь боится, что в подземном дворце будет одиноко. После того, как Чжэнь уйдёт, не останется никого, с кем Чжэнь мог бы поговорить так же понимающе, как с тобой, что сильно беспокоит Чжэнь. Чжэнь ещё больше боится, что, как только Чжэнь уйдёт, ты останешься одна в этом мире. С этого момента ты будешь одинокой и беспомощной. Почему бы тебе не пойти с Чжэнь? Таким образом, Чжэнь может быть спокоен. А-Фу, не вини Чжэнь. Если будет следующая жизнь, Чжэнь дарует тебе трон императрицы…

Его губы касались её ушей, когда он бормотал, его голос был хриплым от переполняющей нежности.

…

Осенью второго года правления Шэньгуана Сяо Инь Тан, император Великой Вэй, умер в расцвете сил, не прошло и двух лет после того, как он взошёл на трон. Его посмертное имя и титул были Дунцзун.

Тот, кто развивает гармоничные отношения с членами семьи и друзьями, называется – альтруистом. Тот, чье добродетельное поведение непоколебимо, называется – альтруистом[10]. В том же духе, в котором добродетели императора проявлялись в его посмертном титуле, Сяо Инь Тан издал похвальный императорский эдикт на пороге своей кончины.

Он заявил:

– Чжэнь не может смириться с тем, что жертвует человеческими жизнями. После смерти Чжэнь все императорские наложницы будут избавлены от погребения заживо, чтобы все они могли спокойно доживать до старости.

При предыдущих династиях число женщин в императорском гареме, освобожденных от погребения заживо после смерти императора, колебалось от нескольких до более чем сотни[11]. Великий Вэй придерживался старой системы. Сяо Инь Тану было всего тридцать лет, когда его унесла внезапная смерть. Для женщин в заднем дворце это было сродни грому среди ясного неба. Сражённые горем, их щеки весь день были залиты слезами. Когда пришло время, они только и ждали, чтобы повеситься на балках своих комнат в качестве необходимого условия для его неминуемого погребения в подземном дворце. К их большому удивлению, император избавил их от такой участи. Хотя им предстояло провести оставшиеся годы в холодном дворце до глубокой старости, в отличие от того, чтобы быть вынужденными сопровождать его в смерти, тот факт, что они могли сохранить свои жизни, все равно был благословением. Все были глубоко благодарны и плакали перед его могилой искренними слезами.

Но все это не имело никакого отношения к Цзя Фу. Лишенная какой-либо радости или печали, она уже смирилась с такой судьбой.

В этой жизни она была похожа на ряску без корней. После того, как она полностью посвятила себя Сяо Инь Тану, не имея ни титула, ни статуса, она стала непригодной для того, чтобы кто-либо видел её средь бела дня. Такой вывод не был неожиданным. Но пока она ждала, трех футов белого шёлка, которые должны были быть там, нигде не было найдено.

Недавно назначенная вдовствующая императрица распорядилась, чтобы её положили в драгоценный деревянный гроб с золотой резьбой, специально приготовленный для неё. Таким образом, она была бы похоронена в подземном дворце рядом с покойным императором[12].

– Покойный император приказал мне заботиться о людях из вашей семьи Чжэнь. Вы должны быть уверены и следовать за Покойным императором. Я, безусловно, оправдаю доверие Покойного императора.

Вдовствующая императрица Чжан больше не была такой великодушной, как в прошлом. Пока она смотрела на неё, каждое произнесенное ею слово было наполнено нескрываемой злобой.

Тяжелая крышка гроба была поднята и опущена, погасив оставшийся свет перед её глазами. В конечном счете, мир Цзя Фу погрузился в кромешную тьму. С тех пор она будет вечно заключена в этом узком пространстве подземного дворца, больше не имея возможности покинуть его.

Она не сопротивлялась и не кричала. Она понимала, что, как бы она ни боролась и как бы громко ни кричала, всё будет бесполезно. Этот её конец был предопределён судьбой.

Жизнь не зависела от её решения, брак не зависел от её решения, и даже смерть не зависела от её решения.

Воздуха становилось всё меньше, и её грудь болела по мере того, как прерывалось дыхание. На протяжении всей бесконечно мучительной агонии умирания её ногти безжалостно царапали каждую поверхность гроба, до которой она могла дотянуться, оставляя след из царапин на деревянной плите с золотой резьбой.

Только тогда она поняла, что тоже боится смерти. Это безграничное угнетение из подземной тьмы, сопровождающее смерть, когда-то было для неё невообразимым.

Она знала, что хочет жить. Как бы тяжело это ни было, она хотела продолжать жить.

Но было слишком поздно. В этой жизни это был её окончательный конец. Её жизнь подошла бы к концу таким образом.

Если бы она не вышла замуж за своего второго бяо гэ[13], и если бы она не встретила Сяо Инь Тана, как бы выглядела её жизнь?

Она заплакала. Слезы навернулись на глаза, но плач только поглотил больше воздуха и усилил её страдания.

Перед ее глазами начали проявляться всевозможные гротескные и пёстрые галлюцинации. В конце «света и тени», находясь в трансе, она, казалось, заметила, что мужчина проник сквозь неисчерпаемый мрак подземного дворца, направляясь к ней с улыбкой.

Она узнала его. Он был её отцом.

Много лет назад, когда она была всего лишь тринадцатилетней девочкой, её отец ушёл в море, и она провожала его на пристани. Прежде чем ступить на палубу, её отец пообещал ей, что в этом плавании он подарит ей ожерелье из фиолетовых русалочьих жемчужин[14], нанизанных вместе.

Фиолетовый жемчуг русалок добывали в далеких заморских странах. Он не только светился ночью, но и, согласно легенде, мог приносить удачу людям. Любой, кто сталкивался с «теми, кто жил в море», считался предвестником огромной удачи.

С этим жизнь отца А-Фу пойдет гладко, без катастроф и болезней. Тон голоса и сияющее лицо её отца того времени всё ещё были живы в её воспоминаниях.

Но после той поездки он так и не вернулся.

– А-Фу, папа вернулся и принес тебе ожерелье. Тебе нравится?

Её отец смотрел на неё глазами, полными нежности.

– Папа…

С улыбкой и слезами на глазах Цзя Фу протянула ему руку. Она позвала своего отца, человека, который любил её больше всего на свете.

Последний глоток драгоценного воздуха покинул её легкие. Её руки с уже обломанными и кровоточащими ногтями потеряли всякую силу и медленно повисли в воздухе, покоясь на мягкой и теплой груди.

Уголки её губ изогнулись в улыбке.

_____

1 – Эта строка принадлежит поэту по имени Фань Чэнда (□□□) из династии Сун. Стихотворение с названием □□□□□□□□ описывает гибискус из хлопковой розы, что имеет отношение к названию FL, поскольку «Фу» (□) в Цзя Фу означает гибискус.

2 – На благовонную палочку уходит около 30 минут, возможно, он простоял на коленях 15 минут. По сути, поэтический способ описать этот промежуток времени.

3 – Император Чжаопин (□□) и покойный император Шизун (□□□□) – одно и то же лицо. Императоры каждой династии имеют свое собственное «правление». На данный момент правление покойного императора называлось «Чжаопин», но у него было «храмовое имя/посмертный титул» Шизун. Как только император умирает, к нему обращаются по его

посмертному титулу, а не по титулу правления.

4 – □ (Чжэнь): иллеизм, который император использует для обозначения самого себя

5 – □ (ци): обращение замужней женщины (независимо от того, является ли она главной женой или наложницей) к себе, когда она разговаривает со своим мужем

6 – □ (А): префикс, используемый перед односложными именами, терминами родства и т.д. для обозначения фамильярности

7 – □□ (Го гун): Переводится как императорский герцог династии Чжоу, где □ означает государство. Однако герцоги династии Чжоу на самом деле были связаны с императорской семьей, а монархи Чжоу были королями, а не императорами. В этом романе это титул (иногда наследственный), обычно присваиваемый высокопоставленным чиновникам, которые помогли основать династию. В данном случае я собираюсь использовать «Великий герцог», поскольку «Императорский герцог» может звучать сбивчиво, потому что они не связаны с императорским двором.

8 – □□ (Цзинши): высшая степень/ученая честь, получаемая при сдаче придворного/дворцового экзамена, высшего уровня императорского экзамена, проводимого под личным наблюдением императора.

9 – Будущий чиновник (□□) – это, по сути, человек, занимающий должность, требующую императорского назначения, чтобы иметь официальный титул. Возможно, вакансий еще не было, поэтому император назначил его на случайную подработку в павильоне Хунвэнь, иначе известном как Институт развития литературы. Термин «верховный министр в штатском» (□□□□) – это идиома для обозначения Цзинши без официального титула, человека, еще не занимающего высокого поста, но обладающего квалификацией и потенциалом для его достижения, по сути, «Потенциального сановника». Они хвалят его за то, что он обладает навыками, которые могли бы дать ему право стать «великим советником/премьер-министром», несмотря на его юный возраст.

10 – □ (Дун): Дун в – Дунзонг означает альтруист.

11 – Если я правильно понимаю, женщины, обычно освобожденные от погребения заживо, – это те, у кого есть принцы, поскольку детям нужны их матери. Те, кто этого не сделал, были бы похоронены вместе с императором, чтобы «развлекать его» в загробной жизни.

12 – Женщинам разрешается совершить самоубийство (им дают три фута белого шелка, чтобы повеситься), прежде чем они будут сопровождать императора в смерти, чтобы облегчить свои страдания, но эта вдовствующая императрица, вероятно, ненавидела её так сильно, что просто отказала ей в этом праве и прямо похоронила заживо.

13 – □□ (biǎo gē): старший двоюродный брат по женской линии. Я буду использовать это для

обозначения ее двоюродных братьев по материнской линии, поскольку английский эквивалент этого звучит неловко. Упрощение до двоюродного брата также разрушает нюанс. В те времена люди могли жениться на своих двоюродных братьях бяо, но не на двоюродных братьях тан (или по отцовской линии) с такой же фамилией.

14 – Легендарных жемчужин из книги легенд, Боужи.

http://tl.rulate.ru/book/79168/3728123